

УДК 94(47)

РУССКАЯ «ГОСПОЖА ПОМПАДУР» ПРИ ДВОРЕ ПЕТРА III

О. П. Ведьмин

RUSSIAN “MADAME DE POMPADOUR” AT THE COURT OF PETER III

O. P. Vedmin

В статье рассматривается русский двор в середине XVIII века. Исследуется «закулисная» деятельность фаворитки Петра III Елизаветы Воронцовой против Екатерины в борьбе за престол.

The paper focuses on the Russian court in the middle 18th century. The paper analyses the “behind-the-scenes” activities of Peter III’s favourite Elizaveta Vorontsova against Ekaterina in the struggle for the throne.

Ключевые слова: Пётр III, Елизавета Воронцова, Екатерина, придворная жизнь.

Keywords: Peter III, Elizaveta Vorontsova, Ekaterina, court life.

«Эпоху дворцовых переворотов» вряд ли можно понять достаточно глубоко, если не изучать пристально окружение царственных особ. Проникнуть в хитросплетения русского двора того времени отчасти позволяет анализ необычных отношений Е. Р. Воронцовой и Петра III. Якоб Штелин (1709 – 1785) в своё время называл фаворитку Петра III – графиню Е. Р. Воронцову «госпожой Помпадур». Она, в отличие от знаменитой маркизы де Помпадур – фаворитки французского короля Людовика XV, никогда не интересовалась политикой. Зато она стремилась быть первой дамой русского двора и тешила себя надеждой «породниться с престолом». Время правления Петра III было для Елизаветы Романовны её звёздным часом. Однако дворцовый переворот 28 июня 1762 года разом нарушил все её мечты. С этого момента её судьба была уже не связана с императорским двором.

Отцом нашей героини был дворянин Роман Илларионович Воронцов (1717 – 1783). В 16 лет он поступил на военную службу солдатом в лейб-гвардию Измайловского полка. Проходя службу в гвардейском полку, Роман Воронцов был произведён в следующие чины: капрала (1735), фурьера (1736), подпрапорщика, а затем каптенармуса (1737), сержанта (в январе 1738), прапорщика (в январе 1739) и подпоручика в 1740 году [19, с. 85]. И всё же его карьерный взлёт произошёл только после дворцового переворота 25 ноября 1741 года, когда на престол взошла дочь Петра I – Елизавета Петровна. Тогда же он получил от царицы 10 февраля 1742 года своё первое придворное звание – камер-юнкера, затем 13 июля 1746 года стал действительным камергером двора, а 25 декабря 1755 года был уже генералом-поручиком [4, с. 313; 6, с. 170]. В дальнейшем он получил от Елизаветы и другие милости. Так, 8 января 1760 года Роман и Иван Воронцовы были возведены грамотой императора Франца I в графы Священной Римской империи. Русская императрица 17 февраля 1760 года дозволила братьям Воронцовым принять пожалованный им титул графа. А вслед за этим событием она 16 августа произвела нового графа Р. И. Воронцова в члены Правительствующего Сената.

Можно с уверенностью сказать, что на карьерный рост Романа Воронцова при дворе Елизаветы Петровны повлияло три главных фактора.

1. В действиях Романа Илларионовича той поры чётко прослеживается его личная преданность императрице. В «Записках» его сына – Александра Воронцова приводится такой типичный пример об отце: «Наконец, 25 ноября 1741 года царевна Елизавета вступила на отцовский престол. Она послала моего отца в Ригу, чтоб находиться там при принцессе Анне Мекленбургской и её семействе, а также при принце Иоанне, который был в то время свергнут с престола. По возвращении из Риги мой отец был произведён в камер-юнкеры» [11, с. 229].

2. Свою протекцию Роману оказал и его брат Михаил Илларионович Воронцов (1714 – 1767). Он был активным участником в возведении на престол дочери Петра I. 31 января 1742 года Михаил Воронцов, с согласия императрицы, вступил в брак с её двоюродною сестрою – графиней Анной Карловной Скавронской, тем самым ещё более упрочил своё положение при дворе. Германский же император Карл VII 16 марта 1744 года представил М. И. Воронцову звание потомственного графа Священной Римской империи. На принятие такого титула 24 июля 1744 года последовало разрешение императрицы. Затем он был назначен вице-канцлером (1744), а потом и канцлером (1758) России. Воронцов стал оказывать поддержку своим братьям, когда достиг высокого положения при дворе. По дипломатическим каналам он добился распространения пожалованного ему титула графа Священной Римской империи на двух своих братьев – Романа и Ивана [8, с. 108].

3. Помогала укреплять позиции мужа при дворе и его жена Марфа Ивановна Сурмина (1718 – 1745), в первом браке княгиня Долгорукова. Второй её брак с Романом Воронцовым состоялся в 1735 году. Она была дочерью богатейшего костромского дворянина И. М. Сурмина. Марфа Ивановна была дружна с цесаревной Елизаветой ещё до её вступления на престол и не раз давала ей деньги «на содержание дома и на украшения, которые она очень любила» [13, с. 40]. Елизавета, став императрицей, сполна оценила ранее оказанную финансовую помощь со стороны Марфы Ивановны, что помогло её мужу в дальнейшем сделать карьеру уже при новом дворе.

19 апреля 1745 года умерла Марфа Ивановна, оставив пятерых детей: Марию (родилась в 1738), Елизавету (1739 – 1792), Александра (1741 – 1805), Ека-

терину (1743 – 1810) – будущую княгиню Дашкову и Семёна (1744 – 1832). Отец семейства был необычайно огорчён смертью своей жены, тогда ему на помощь пришёл его старший брат Михаил Воронцов. Он взял к себе в дом всех детей Романа. Согласно «Запискам» Александра Воронцова, дети в этом доме находились до сентября 1745 года. 3 сентября вице-канцлер Воронцов уже покинул Петербург и отправился в заграничную поездку по Европе, где пробыл там около года. Малолетние дети, в связи с отъездом дяди за рубеж, вернулись опять к отцу.

Позднее княгиня Екатерина Дашкова в своих «Записках» об отце той поры сообщала так: «Мой отец, граф Роман, младший брат канцлера, в молодости любил жизненные удовольствия, а стало быть, мало занимался своими детьми» [13, с. 41]. Источники же свидетельствуют, что упрёк сделанный княгиней Дашковой в отношении отца, что он якобы мало занимался своими детьми после смерти матери, был верен только для двух малышек. Так, Семёна отправили жить к бабушке – Лариону Гавриловичу Воронцову, а Екатерину – к бабушке Федосье Артемьевне Сурминой. Через несколько лет Екатерину взял к себе М. И. Воронцов и воспитывал её вместе со своей единственной дочерью Анною. В доме же отца осталось лишь трое детей: Мария, Елизавета и Александр.

Роман Воронцов, по моде того времени, решил дать оставшимся у него детям домашнее образование. В этом ему снова помог его старший брат, который находился тогда за границей. Он прислал из Берлина гувернантку – француженку Рюино. Она была лучшей из тех, какую можно было там найти. Она очень много занималась с детьми Воронцова. Затем её сменила госпожа Берже. Все дети «незаметным образом научились французскому языку» [11, с. 231]. У Елизаветы Воронцовой от домашнего образования осталась на всю жизнь страсть к чтению, особенно к французской литературе. Во времена правления Петра III, как показывают источники, она любила читать модные французские романы соблазнительного содержания [18, с. LX].

В систему обучения детей Воронцова входил не только французский, но и родной русский язык, хотя Роман Илларионович сам не знал французского языка. Зато он хорошо разбирался в существующих порядках императорского двора, где мода на французский язык и культуру была уже потребностью высшего общества, а носителем этой моды была сама императрица Елизавета. Воронцов знал и надеялся, что знание французской культуры поможет быстрее пристроить двух его дочерей в штат русского двора. С этой целью отец стал водить своих детей в придворный театр, где два раза в неделю давали французские комедии, причём Воронцов имел там свою ложу. Вскоре ожидания отца в отношении двух его детей оправдались.

Случилось это в 1749 году, когда императорский двор временно находился в Москве. Роман Воронцов, как действительный камергер, также находился при русском дворе. 21 октября он пригласил государыню в свой дом, где произошли смотрины его дочерей. Дежурный генерал-адъютант императрицы П. И. Шувалов оставил об этом дне следующую запись: «Ея императорское величество соизволила выход иметь в

дом к камергеру и кавалеру Роману Илларионовичу Воронцову пополудни в 7-м часу, где и благоволила вечернее кушать и прибыть во дворец соизволила пополуночи в 1-м часу» [10, с. 180].

Императрица осталась довольна смотринами девиц Воронцовых. Об этом свидетельствует тот факт, что вскоре – 22 ноября 1749 года они были пожалованы ко двору в качестве фрейлин [19, с. 179]. Старшая из сестёр – Мария была определена к государыне, а Елизавета оказалась второй фрейлиной, зачисленной в штат к великой княгине Екатерине Алексеевне. По законам двора, фрейлина императрицы считалась рангом выше, чем фрейлина великой княгини. Фрейлине большого двора было положено жалованье в 600 рублей в год, а каждой фрейлине малого двора, куда попала Елизавета Воронцова – только 400 рублей. 20 декабря 1749 года императорский двор возвратился из Москвы в Петербург. На берегах Невы обе сестры Мария и Елизавета сразу же при дворе подхватили оспу. Юных фрейлин тотчас отправили в карантин подальше от двора, так как оспа считалась одной из страшных болезней XVIII века.

Когда же сёстры Воронцовы после болезни возвратились ко двору, то они попали под надзор некой мадам Екатерины Петровны Шмидт. В своих «Записках» Екатерина II даёт ей следующий портрет: «Эта Шмидт была финляндка по происхождению, необычайно толстая и массивная; при том бой-баба, всецело сохранившая простой и грубый тон своего первобытного положения». О её деловых качествах Екатерина сообщает следующее: «Шмидт правила внутренней жизнью фрейлинского флигеля с большою строгостью, нежели умом, но никогда не появлялась при дворе. В обществе принцесса Курляндская (*Екатерина Ивановна Бирон – О. В.*) стояла во главе их, и Шмидт молча доверяла ей руководство ими при дворе» [12, с. 383].

В новых условиях сёстры Воронцовы стали редко общаться со своим отцом. Они теперь могли его видеть, только во время придворных церемоний. В юных же головках фрейлин не могла не закрасться одна крамольная мысль: почему же родной отец их так быстро разлюбил? Со временем они узнали всю правду об отце. Реальность состояла в том, что в начале 1750-х годов Роман Илларионович сочетался гражданским браком с девицей Е. Д. Брокетт, которая затем родила ему четырёх детей: Ивана, Александра, Марию и Анну, получивших фамилию Ронцовых [1, с. 145]. Привязанность сестёр Воронцовых к своему отцу стала разрушаться. Екатерина в своих «Записках» отметила это такой фразой, что Роман Воронцов стал «противен» детям.

Русский двор был полон соблазнов. Вскоре наша героиня столкнулась с амурными делами при русском дворе. Случилось это после родов Екатерины. 20 сентября 1754 года она разрешилась от бремени сыном Павлом. В эти сентябрьские дни великий князь Пётр Фёдорович стал ухаживать за фрейлиной Елизаветой Воронцовой. Великий князь уже имел славу Дон Жуана. Он постоянно влюблялся то в одну, то в другую фрейлину двора, или в молодых особ, проживающих за её пределами. В «Записках» Екатерины имеются имена, 7 дам, на которых обращал свои взоры великий

князь до своего нового увлечения Елизаветой. Это были: А. С. Лопухина, Е. А. Каро, А. А. Татищева, Е. И. Бирон – все фрейлины императрицы; да две молодые вдовы: княгиня Н. Б. Долгорукова и бывшая жена придворного художника Г. Ф. Гроота, а также фрейлина великой княгини – М. И. Шафирова.

Исследователи по-разному толкуют феномен «большой влюбчивости» великого князя к молодым дамам. Одни считают, что Пётр Фёдорович таким путём стремился скрыть от придворного общества то, что он, как мужчина, оказался бесплодным и поэтому не может произвести на свет ещё одного наследника престола. Путём же показной влюбчивости он хотел якобы показать всему двору, что причина бесплодного брака кроется в самой Екатерине, холодность и отторжение которой и есть причина, вызвавшая амурные романы на стороне. Но, как только этот обман был обнаружен императрицей, та приняла решение о «подключении» к этому щекотливому делу тайного любовника, чтобы он смог окончательно «решить» существующую династическую проблему за Петра. Им оказался красавец двора – камергер С. В. Салтыков. Именно так считали современники, и на это намекала Екатерина в своих «Записках». Согласно же новейшим изысканиям, проведённым М. А. Крючковой, таким тайным любовником оказался не Салтыков, как было принято считать, а З. Г. Чернышёв [15].

Другие же исследователи полагают, что Пётр Фёдорович, то ли от рождения, то ли в результате перенесённой оспы в России, страдал патологическим недугом фимозом – сужением отверстия крайней плоти, с лёгкостью устраняемым хирургическим путём. Свой физический недостаток великий князь долгое время скрывал, прикрываясь чрезвычайной влюбчивостью к своим избранницам. Но, тут снова на помощь приходит С. В. Салтыков, который якобы уговорил великого князя сделать ему операцию в 1752 году, после которой Пётр Фёдорович уже смог приступить к выполнению своих супружеских обязанностей, и к великой радости государыни на свет появился великий князь Павел Петрович. Факты же свидетельствуют о том, что даже если у Петра Фёдоровича состоялась подобная операция, то он по-прежнему не имел побочных детей от связей со своими избранницами. Или не имел таковых «связей» по-прежнему?

Процесс же выбора дам сердца для Петра, полностью находился в руках Екатерины. Александр Воронцов, брат Елизаветы, писал в своих «Записках» об этой ситуации при дворе так: «Он постоянно имел любимиц, и одна из забот великой княгини заключалась в том, чтоб эти любимицы были выбираемы ею и находились в зависимости от неё. Однако между ними нашлась такая, с которой ей было трудно справиться; это была девица Шафирова. Великая княгиня до того интриговала и пускала в ход разные хитрости, пока ей не удалось удалить Шафирову» [11, с. 238].

В этой связи, пожалуй, следует сказать о Марфе Исаевне Шафировой. 18 февраля 1752 года императрица Елизавета пожаловала её к Екатерине во фрейлины. В мае она уже стала любимицей у наследника престола. Государыня о новой пассии великого князя выражалась так: «...Такая тощая, невзрачная и с журавлиной шеей». Вероятно, что таким образом Елизавета

хотела отвести «подозрения» от своего племянника и «успокоить» бдительную Екатерину. Но, уже осенью 1754 года, великая княгиня нашла ей замену в лице своей фрейлины Елизаветы Воронцовой. Александр Воронцов об увлечении Петра Фёдоровича к его сестре писал следующее, что «великий князь серьёзно привязался к моей сестре, и эта связь, которую можно назвать платонической, продолжалась до низвержения Петра III с престола» [11, с. 238].

В исторической литературе до сих пор превалирует отрицательный образ Елизаветы Воронцовой, где её изображают только в одной тональности, что она будто бы была «дурой», «неумной и глупой девицей». Такая характеристика нашей героини имеет отчасти основания, которые связаны с её нестандартным для того времени поведением при дворе. Но, вряд ли правильно ставить знак равенства между её поведением и умственными способностями. Мотивы её поведения, как и умственные способности, поныне не изучались специалистами. Между тем, как показывают источники, миф о Воронцовой «дуре» первоначально исходил из комнат Екатерины и он был связан с тем, что фрейлина Елизавета довольно тесно сблизилась с наследником престола. Такая связь, в конечном счёте, могла таить в себе определённую опасность честолюбивым планам великой княгини в борьбе за престол.

Примечательно, что ещё секретарь французского посольства в Петербурге Жан-Луи Фавье в записках «Русский двор в 1761 году» писал о Воронцовой следующее: «Девица эта, впрочем, не лишена ума и при случае, конечно, сумела бы воспользоваться своим положением, если б на то представлялась хоть малейшая возможность» [30, с. 199]. Анализ же событий показывает, что мадемуазель Воронцова на свой страх и риск, уже не надеясь на отца и влиятельного дядю М. И. Воронцова, стремилась сама себе проложить путь наверх при дворе. Она, похоже, как и Екатерина, хотела использовать в своих целях наследника престола. Чтобы понравиться великому князю, она стала подстраиваться под его вкусы. Будущий император был большим поклонником весёлых застолий, на которых можно было выпить любимое им бургундское вино и английское пиво. Вскоре и сама «Романовна», так её называл Пётр Фёдорович, стала душой этих застольных посиделок. Вот как писал об этих пирушках ещё один француз Шарль Массон: «Она напивалась вместе с ним и ругалась, как солдат; разговаривая, она косила, дурно пахла и харкала» [16, с. 102]. Пример этот возможно касается более позднего периода, когда великий князь был уже императором. Между тем этот эпизод довольно примечателен в сближении Петра и Елизаветы Воронцовой.

Вскоре Великая княгиня Екатерина Алексеевна явно осознала свой просчёт в отношении сближения великого князя с «Романовной», поняв, что эта фрейлина оказалась совсем неуправляемой, по сравнению с предыдущей – Марфой Шафировой. Екатерина срочно стала предпринимать меры по удалению Елизаветы от двора. В этом деле она нашла себе союзника в лице всемогущего вельможи М. И. Воронцова, который видел в поведении своей племянницы «пятно» для всего его семейства. Александр Воронцов писал в своих воспоминаниях о своём дяде в связи с Елизаветой

той следующее: «Он пытался выдать её замуж, надеясь этим способом удалить её приличным образом от двора. Но это ему не удалось, а государыня, будучи недовольна своею племянницей (*Екатериной – О. В.*), её интригами и её влиянием на великого князя, в тайне покровительствовала этой связи между моей сестрой и её племянником» [11, с. 239].

Итак, линия поведения «Романовны» в отношении Петра Фёдоровича себя полностью оправдала. Это подметил уже цитированный нами француз Фавье: «Эта девица сумела так поддаться под вкус великого князя и его образ жизни, что общество её стало для сего последнего необходимым» [14, с. 399].

Существует ещё один миф о Елизавете Воронцовой, который связан с её внешним видом, что она якобы была «самой некрасивой» фрейлиной двора. Этот миф, как и предыдущий, исходил от самой великой княгини. В одном из вариантов «Записок» Екатерины находится первое упоминание о дочерях Романа Воронцова – Марии и Елизавете при дворе: «Старшая обещала быть хорошенькой, но вторая не имела и следов красоты; напротив, она и тогда уже была очень некрасива; оспа, которую она перенесла впоследствии, обезобразила её ещё больше, как мы это видели; обе сестры имели оливковый цвет лица». В поздней редакции «Записок» о Елизавете Воронцовой сказано ещё резче: «Старшей, Марии, могло быть около четырнадцати лет, её сделали фрейлиной императрицы; младшая, Елизавета, имела всего одиннадцать лет; её определили ко мне; это была очень некрасивая девочка, с оливковым цветом лица и неопрятная до крайности. Оне обе начали в Петербурге с того, что схватили при дворе оспу и младшая стала ещё некрасивее, потому что черты её совершенно обезобразились и всё лицо покрылось не оспинами, а рубцами» [12, с. 168, 295]. Так мстила Екатерина своей бывшей сопернице.

Благодаря усилиям Екатерины было сформировано отрицательное общественное мнение при дворе о внешнем виде «Романовны». Это подметил проницательный датский посланник при русском дворе Гакстгаузен. Он сообщал своему двору о Елизавете Воронцовой следующее: «По общему убеждению, из всех придворных дам она самая безобразная и, быть может, самая неприятная» [9, с. 296]. Добавил свою лепту, с подачи Екатерины, в создание легенды о «безобразном» внешнем виде любимицы Петра Фёдоровича А. Т. Болотов, который в 1800 году писал: «Ах! Боже мой ... да как это может статься? Уж этакую толстую, нескладную, ширококорожую, дурную и обрюзглую совсем любить и любить ещё так сильно государю?» [5, с. 109].

Поразительно, что на фоне представленного Екатериной образа фрейлины Е. Р. Воронцовой «дурнушкой», никто не хотел замечать недостатки внешнего вида других дам, что окружали русский двор. Так, фрейлины императрицы Елизаветы Петровны такие, как Екатерина Бирон и Екатерина Чоглокова, были обе горбаты, а первая – даже маленького роста. Оказалось, что внешний вид этих дам, по сложившемуся стереотипу, навязанному Екатериной, выглядел лучше, чем созерцательный облик Воронцовой. Несколько иного мнения придерживались иностранные соглядатаи двора. Приведём видение Елизаветы Воронцо-

вой французским посланником Фавье, на которое исследователи ранее не обращали внимание. В своих записках он отмечал, что девица Воронцова отличалась не только своим безобразным поведением, но в то время она обладала «хорошим сложением» и «белизной кожи» [30, с. 199]. Следует отметить, что Фавье приводит данные за 1761 год. Но, и на портрете, где Елизавета Воронцова показана уже в возрасте, будучи женой А. И. Полянского (1721 – 1818) и матерью двоих детей, она выглядит весьма привлекательно.

Русский двор постоянно жил в атмосфере интриг, в которые не могли не втянуться великий князь и фрейлина Воронцова. Весной 1756 года они поссорились друг с другом, что явно было результатом дел рук Екатерины Бирон, которую тайно поощряла великая княгиня Екатерина. Благодаря этому конфликту внимание Петра Фёдоровича было переключено на Матрёну Герасимовну Теплову, жену Г. Н. Теплова. Однако и эта связь с новой любимицей у великого князя продолжилась только до начала 1757 года. Елизавета Воронцова снова отвоевала своё «право», как она считала, находиться рядом с наследником престола.

1758 году сестра Елизаветы – М. Р. Воронцова покинула придворную службу, так как вышла замуж за камер-юнкера П. А. Бутурлина. Свадьба состоялась 15 – 16 февраля при дворе. Накануне этой свадьбы, 14 февраля, был арестован канцлер России А. П. Бестужев-Рюмин. Дело Бестужева стали рассматривать как продолжение дела генерал-фельдмаршала С. Ф. Апраксина – бывшего главнокомандующего русскими войсками в войне против Пруссии в начальный период Семилетней войны (1756 – 1763). Апраксина считали клеветником Бестужева. А в вину ему ставили то, что, начав боевые действия в 1757 году, русская армия под его началом 19 августа разбила пруссаков у деревни Гросс-Егерсдорфе. Открылась возможность наступать на Кёнигсберг, но Апраксин под предлогом недостатка продовольствия и болезней начал поспешно выводить войска из Пруссии. Впоследствии эти действия Апраксина расценили при русском дворе как измену, связанную с тяжёлой болезнью и близостью смерти императрицы Елизаветы, а также с нежеланием этой войны со стороны великого князя Петра Фёдоровича и великой княгини Екатерины. У Апраксина в ходе следствия нашли три письма от великой княгини, проходившие через руки канцлера Бестужева, хотя любая переписка ей была запрещена самой императрицей. При дворе заговорили о высылке великой княгини из России.

Пётр Фёдорович узнав о том, что его жена находится под подозрением у императрицы, стал сторониться её комнат. Великая княгиня во время следствия притворилась опасно больной и не покидала своих покоев. Великий князь, узнав о болезни своей жены, не был этим огорчён. Екатерина об этом писала: «Я после того узнала, что в этот самый день он обещал Елизавете Воронцовой жениться на ней, если я умру, и что оба очень радовались моему состоянию» [12, с. 449]. Екатерина не покидала своих покоев с 14 апреля по 9 мая 1758 года. А в это время Елизавета Воронцова приходила в покои великого князя и «разыгрывала хозяйку». Великая княгиня же при двух встречах с императрицей сумела себя оправдать.

Другим участникам придворной интриги явно не повезло. Апраксин умер в ходе следствия от апоплексического удара, когда его уже хотели оправдать, а канцлер Бестужев был лишён всех своих чинов и званий, и сослан в ссылку в одну из своих деревень. Что же касается великого князя то, он вынужден был пойти на примирение со своей женой, как хотела этого государыня. Уже 3 июля 1758 года английский посланник в Петербурге Роберт Кейт писал своему двору: «Мне сообщили, что великий князь и великая княгиня совершенно примирились» [29, с. 195].

Надежды Елизаветы Воронцовой быть реальной хозяйкой при малом дворе в 1758 году не оправдались. И всё же её статус повысился в придворном обществе, так как ей была оказана тайная поддержка со стороны императрицы. Она стала признанной фавориткой великого князя Петра Фёдоровича. О ней тогда-то Якоб Штелин заговорил как о новой «госпоже Помпадур».

О том, что Воронцова стала официальной фавориткой великого князя, свидетельствуют и такие факты. Уже летом 1758 года в Большом Ораниенбаумском дворце – летней резиденции великого князя Петра Фёдоровича были начаты работы по созданию личной «опочивальни» для Елизаветы Воронцовой [17, с. 59]. Согласно же правилам двора фрейлины должны были проживать в одной комнате по 2 – 4 девицы. А в 1761 году великий князь с согласия императрицы приобрёл у премьер-майора лейб-гвардии Преображенского полка И. И. Косагова дачу. Она находилась в пяти верстах от Ораниенбаума и получила название Санс-Эннуи, что в переводе с французского название означает «Нескучное». Дача предназначалась для фаворитки Елизаветы Воронцовой. По свидетельству французского посланника Бретейля, к моменту смерти императрицы Елизаветы при русском дворе существовала партия, которая стремилась развести великого князя Петра Фёдоровича с Екатериной, склонить его «к признанию сына незаконнорожденным и женить на девице Воронцовой» [29, с. 209]. Главными же фигурантами этой партии были отец и дядя Елизаветы – Р. И. Воронцов и М. И. Воронцов.

25 декабря 1761 года в половине 4 часа по полудни скончалась императрица Елизавета Петровна. На престол взойшёл Пётр III, который с первых часов своего царствования стал оказывать знаки внимания своей любимице. Уже 25 декабря император направил в Придворную контору именной указ: «Всемилоостивейше пожаловали Мы Двора Нашего Фрейлину графиню Елизавету Воронцову ко Двору Нашему камер-фрейлиною, да живущих при дворе Нашему девиц Марью Шафирову, Анну и Марью Вейделевых фрейлинами» [22, л. 1а]. Далее в указе сообщалось, что отныне камер-фрейлина должна будет получать жалованье 1000 рублей в год, а фрейлины по 600 рублей.

Теперь камер-фрейлина Воронцова в придворной иерархии стала выше любой из фрейлин двора. Знаком её отличия должен был служить портрет Екатерины в оправе, который она обязана была носить согласно своему статусу. Однако во время церемонии, когда её посвящали в новую должность, Воронцова отказалась в присутствии Петра III надеть портрет императрицы. Она хотела носить портрет императора.

Екатерина узнала об этом инциденте только через некоторое время из уст самого Петра, но сделала вид, что не сердится на фаворитку императора. Милости от монарха на этом для новой камер-фрейлины не закончились. Император подарил Воронцовой ещё 5 тысяч империалов (1 империал равнялся 10 рублям), чтобы она оплатила свои долги. Кроме денег, она получила от Петра драгоценностей более чем на 50 тысяч рублей [9, с. 273, 508]. Придворный взлёт и подарки императора не могли не вскружить голову нашей героине. В отношении Екатерины, как подметил французский посланник Бретейль, камер-фрейлина стала вести себя «высокомерно».

Пётр III не забыл о щедротах и для родственников Елизаветы. Действительный камергер И. И. Воронцов был пожалован в генерал-поручики и сенатором с обязательным присутствием в московской Сенатской конторе (25 декабря 1761 года); Р. И. Воронцов стал генерал-аншефом (28 декабря); старший брат Александр Романович стал камергером (28 декабря); младший брат – камер-паж Семён Романович был переведён в поручики Преображенского полка (28 декабря); зять, М. И. Дашков, был произведён из подпоручиков в капитан-поручики Преображенского полка (25 декабря); зять, камер-юнкер граф П. А. Бутурлин (26 декабря), был пожалован в камергеры [20; 21, л. 8 – 8 об., 10; 25; 26]. Канцлер М. И. Воронцов остался на своём посту. В целом Воронцовы сумели укрепить свои позиции при дворе, надеясь добиться ещё больших благ в будущем.

Екатерина была вынуждена прибегнуть к прежним приёмам по устранению своих потенциальных соперниц в борьбе за престол. В письме, написанном в конце мая 1762 года, к бывшему датскому посланнику при русском дворе Адольфу-Зигфриду Остену, она писала: «Положение г-жи Воронцовой колеблется, мы находим ей каждый день новых соперниц» [7, с. 631]. В этом письме Екатерина явно преувеличила свои возможности по отношению к своей новой камер-фрейлине. Нам же известно только два случая в 1762 году, когда против Воронцовой выступили другие её конкурентки за право стать очередной фавориткой при императоре. Это были: фрейлина Екатерина Николаевна Чоглокова и княжна Елена Степановна Куракина. Исследователи же упоминают ещё одну фаворитку императора – некую девицу Шаликову. Ссылка делается на известную работу [29, с. 207]. Однако такой фрейлины при русском дворе в 1762 году просто не существовало. В данном издании сделан не точный перевод фамилии фрейлины Чагликовой (Чоглоковой) с французского на русский язык [23, с. 131]. Как показывают источники, несмотря на частые ссоры Елизаветы Воронцовой с императором из-за новых соперниц, всё закончилось для неё благополучно.

В свою очередь и Елизавета Воронцова принимала ответные меры против Екатерины. Она стала настаивать Петра против его супруги. «Романовна» давала императору следующий совет, что нужно отправить «в заключение эту ужасную женщину» [2, с. 125]. Исследователям известна одна такая попытка, которую предпринял император. Это произошло 9 июня 1762 года – «в день торжествования заклю-

чённому вечному миру между Российской Империей и Прусским Королевством». Уже в ходе парадного обеда в Зимнем дворце Пётр III публично обозвал Екатерину «дурой». По окончании же обеда, когда гости собрались в императорских покоях, монарх стал жаловать различными орденами близких ему лиц. Первым кто получил награду, орден Святой Екатерины, была камер-фрейлина Елизавета Воронцова [27]. В «Записках» же княгини Дашковой сообщается, что её сестра получила орден Святой Екатерины из рук императора не в Зимнем дворце, а за ужином в Летнем дворце [13, с. 69 – 70]. Это утверждение княгини явно противоречит официальному сообщению. В тот же вечер Пётр III приказал своему флигель-адъютанту И. С. Барятинскому арестовать императрицу в её покоях, и лишь вмешательство дяди императора, принца Георгия Голштинского спасло императрицу от печальной участи.

Во время дворцового переворота 28 июня 1762 года Елизавета Воронцова находилась рядом с монархом. Она сопровождала его из Ораниенбаума в Петергоф, где в тот день там должен был состояться праздничный обед, а на следующий день и главное торжество праздника – тезоименитство императора. Когда же свита Петра III узнала о бегстве императрицы из Петергофа в столицу, то любимец императора генерал-адъютант А. В. Гудович посоветовал Петру укрыться за стенами Кронштадта. Но Пётр III, на свою беду, первоначально этот план отверг. Только поздно вечером он решил отплыть в морскую крепость. Укрыться в самой крепости не удалось, так как гарнизон Кронштадта к этому времени принял новую присягу на верность императрице Екатерине II. Императорская галера вынуждена была повернуть в Ораниенбаум. Здесь 29 июня император, по утверждению Рюльера, тайно отдал приказ своим слугам «оседлать наилучшую свою лошадь в намерении, переодевшись, уехать один в Польшу». Когда об этом узнала Елизавета, то она пожелала уехать вместе с Петром. Она уговорила Петра III начать переговоры с императри-

цей по поводу их совместного отъезда из России на легальной основе. Император поддался этим уговорам и написал своей жене письмо, «что он оставляет ей Российское государство и просит только позволения удалиться в своё герцогство Голштинское с фрейлиной Воронцовой и адъютантом Гудовичем» [24, с. 93].

Переговоры Петра завершились его капитуляцией перед Екатериной. К 1 часу дня 29 июня поверженный император вместе с двумя своими спутниками – Елизаветой и Гудовичем были доставлены в карете в Петергоф. Здесь уже находились мятежные полки. Рюльер писал, что, когда из кареты выходила Воронцова, то её подхватили солдаты и «оборвали» с неё знаки ордена Святой Екатерины. Когда же Пётр узнал, что его хотят разлучить с Елизаветой, то он стал униженно просить Н. И. Панина, чтоб ему оставили графиню Воронцову. В свою очередь любимица его бросилась на колени перед всеильным вельможей, «испрашивая позволения остаться» при бывшем монархе. Однако их участь была уже предreshена Екатериной. Они были арестованы и разлучены навсегда. Пётр был отправлен в Ропшу, где 3 июля там нашёл свою погибель. Гудовича же при аресте изрядно побили. А бывшую любимицу Петра привезли на первых порах в столицу к отцу и посадили под домашний арест. Затем опальную графиню отправили в дормезе, чтобы никто не мог видеть её, сначала в Москву, а потом в имение Р. И. Воронцова близ Оконо [28, с. 28].

В сентябре 1762 года в Москве прошли торжества в честь коронации Екатерины II. Двор покинул древнюю столицу в 1763 году, тогда Елизавете Воронцовой было позволено жить в самой Москве, в которой она проживала вплоть до своей свадьбы с А. И. Полянским. Свадьба же состоялась 18 сентября 1765 года в подмосковной усадьбе М. И. Воронцова в Троицком-Конькове [3, с. 367]. После свадьбы супруги переехали в Петербург. Е. Р. Полянская скончалась 2 февраля 1792 года и была погребена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры Петербурга.

Литература

1. Алексеев В. Н. Граф Р. И. Воронцов // Вопросы истории. 2009. № 4.
2. Английский дипломат о политике Екатерины II / вступ. ст. А. Б. Соколова // Вопросы истории. 1999. № 4 – 5. С. 111 – 128.
3. Архив князя Воронцова. М., 1885. Кн. 31.
4. Баранов П. И. Описание высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве, за XVIII век. СПб., 1878. Т. III. 513 с.
5. Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова: Описанные самим им для своих потомков. М.: ТЕРРА, 1993. Т. 2. 544 с.
6. Волков Н. Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. М., 2001. 242 с.
7. Два политических письма Екатерины II // Русская старина. 1912. Кн. III.
8. Долгоруков П. В. Российская родословная книга. СПб., 1855. Ч. 2. 327 с.
9. Донесения датского посланника Гакстгаузена о царствовании Петра III и перевороте 1762 года // Русская старина. 1914. Кн. XI. С. 262 – 283; Кн. XII. С. 504 – 512; 1915. Кн. V. С. 295 – 298.
10. Евдокимов Л. В. Журнал дежурных генерал-адъютантов. СПб., 1897. 268 с.
11. Записки графа Александра Романовича Воронцова // Русский архив. 1883. Кн. I. № 2.
12. Записки императрицы Екатерины Второй. Репринтное воспроизведение издания 1907 года. М.: Орбита. Московский филиал, 1989. 749 с.
13. Записки княгини Дашковой. Письма сестёр Вильмот из России. 2-е изд. М.: Советская Россия, 1991. 592 с.
14. Записки Фавье // Исторический вестник. 1887. Кн. VIII.
15. Крючкова М. А. Мемуары Екатерины II и их время. М., 2009. 464 с.

16. Массон Ш. Секретные записки о России. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 208 с.
17. Павлова М. А. Интерьеры Большого Ораниенбаумского дворца XVIII – середины XIX века. СПб.: Историческая иллюстрация, 2006. Вып. 6. 256 с.
18. Пекарский П. П. История императорской Академии Наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. 1042 с.
19. Писаренко К. А. Сказки елизаветинской России // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв. М., 2007. Вып. XV.
20. Прибавление к № 1 Санкт-Петербургских ведомостей. 1762. 1 января.
21. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2583. Оп. I. Д. 492.
22. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 466. Оп. I. Д. 103.
23. Русский двор сто лет тому назад. СПб., 1907. 304 с.
24. Рюльер К.-К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Екатерина II в воспоминаниях современников, оценках историков. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998.
25. Санкт-Петербургские ведомости. 1762. 1 января.
26. Санкт-Петербургские ведомости. 1762. 5 апреля.
27. Санкт-Петербургские ведомости. 1762. 21 июня.
28. Сборник Русского исторического общества. СПб., 1873. Т. 12. 499 с.
29. Тургенев А. И. Русский двор в XVIII веке. СПб.: Искусство-СПб, 2005. 528 с.
30. Фавье Ж.-Л. Русский двор в 1761 году // Екатерина. Путь к власти. М.: Фонд Сергея Дубова, 2003.

Информация об авторе:

Ведьмин Олег Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории КемГУ, Lubyaginal@mail.ru.

Oleg P. Vedmin – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 20.08.2014 г.